

Аркадий Аверченко

Рассказы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-7
ББК 84-7
А19

А19 **Аверченко А.**
Рассказы / Аркадий Аверченко – М.: Книга по Требованию, 2013. – 64 с.

ISBN 978-5-458-07535-0

Аркадий Аверченко Рассказы: Смерть, Желтая журналистка, Кое-что о близорукости, Василисы темные, Под лучом здравого смысла, Черные дни.

ISBN 978-5-458-07535-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ный видъ, Кириллъ Бревковъ, на цыпочкахъ подошелъ къ Гришѣ сдѣлалъ заговорщицкое лицо и шепнулъ:

— Папашѣ признались?

— Въ чемъ?

— Насчетъ недопущенія къ экзамену?

Гриша растерянно взглянулъ въ сверкающіе глаза Бревкова.

— Какое недопущеніе? Я допущенъ.

— Да-а? — протянулъ Кириллъ Бревковъ. — Вы такъ думаете? Ну, чтожъ — поздравляю! Блаженъ, кто вѣруетъ.. Хе-хе!..

Онъ сѣлъ въ кресло и преувеличенно грустно опустилъ голову.

— Жаль мнѣ васъ, Гришенька... Влопались вы въ исторію!

— Въ ка...кую?!..

— А въ такую, что я сегодня видѣлъ вашего директора Уругваева. «Какъ идетъ у васъ, — спрашиваю, — Терентьевъ Григорій?». «Отвратительно, — говоритъ. — На совѣтѣ постановили не допустить его къ экзаменамъ!». Вотъ оно что, молодой человекъ!

Если бы Гриша былъ наблюдательнѣе, онъ замѣтилъ бы, какъ дрожали полныя губы Бревкова и какимъ весельемъ сверкали его брилліантовые глазки... Но Гришѣ было не до этого.

Онъ тихо побрелъ въ дѣтскую, спря-

тавъ голову въ узкія плечи и шепча подъ
нось

— Господи!

II.

Въ гостиную вышелъ самъ Терентьевъ
облобызался съ гостемъ.

— Здорово, Кирилль! Сейчасъ и жена
выйдетъ.

Вышла и жена.

Она была худощавая, тонкогубая съ
прической взбитой высоко-высоко надъ
желтымъ лбомъ.

— Анна Евграфовна! Неизмѣримо радъ
видѣть васъ! Ручку-съ! Давно вернулись
изъ Москвы?

— Позавчера.

Она оглядѣла мужчинъ пытливымъ взо-
ромъ и съ дѣланнымъ равнодушіемъ спро-
сила:

— Ну, а вы, господа, какъ проводили
безъ меня время?

Кирилль Бревковъ хотѣлъ заявить, что
онъ не видѣлся съ мужемъ со времени ея
отъѣзда, но пытливое лицо Анны Евгра-
фовны показалось ему такимъ забавнымъ,
что онъ ухмыльнулся и загадочно сказалъ.

— Было всего!

— Да?—криво улыбнулась Анна Евграфовна.—Вотъ какъ!

— Кстати!—обернулся къ мужу Бревковъ.—Вчера я встрѣтился съ той полькой!

— Съ какой?—удивился Терентьевъ.

— Ну, съ этой, знаешь... Станиславой. Которой ты платилъ тогда токайскимъ облилъ. Вспоминали тебя.

При этомъ Бревковъ многозначительно подмигнулъ Терентьеву одной стороной своего подвижного лица. Но Терентьеву не нужно было и этого подмигиванія. Терентьевъ зналъ своего веселаго, замысловатаго друга и сейчасъ-же рѣшилъ, что онъ, Терентьевъ, не ударитъ передъ нимъ лицомъ въ грязь.

Онъ сдѣлалъ фальшиво-испуганные глаза и погрозилъ Бревкову пальцемъ.

— Кириллъ! Вѣдь ты же далъ слово молчать!

Кириллъ расцвѣлъ. Мистификация получилась хоть-куда.

— Молчать? Но я знаю, что Анна Евграфовна женщина передовая и проститъ мужчинамъ ихъ маленькія шалости. Тѣмъ болѣе—большихъ денегъ это не стоило. Сколько ты тогда заплатилъ? Сто сорокъ?

— Сто сорокъ,—подтвердилъ Терентьевъ.—Да на чай десять рублей.

Жена переводила взоры съ одного ве-

сельчака на другого и, наконецъ, убѣжденно воскликнула:

— Да вы, врете! Хотите подшутить надо мной. Дразнитесь.

Бревковъ никогда не могъ примириться съ тѣмъ, чтобы его шутки такъ легко разгадывались.

— Мы шутимъ? Ха-ха! Ну, хорошо! Да-съ, Анна Евграфовна, мы шутимъ! Не придавайте нашимъ словамъ значенія...

Онъ помолчалъ и затѣмъ обернулся къ Терентьеву:

— А знаешь, насчетъ этой испанки Морениты ты оказался правъ!

Терентьевъ никогда не зналъ никакой испанки Морениты, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, счелъ необходимымъ обрадоваться:

— Видишь! Я говорилъ, что буду правъ.

— Да, да,—медленно кивнулъ головой Кириллъ. — Она сейчасъ же отъ тебя и поѣхала къ этому жонглеру. Ха-ха! А вѣдь, какъ увѣряла тебя въ своихъ чувствахъ.

Бревковъ ударилъ себя ладонью по лбу.

— Кстати! Все собираюсь спросить тебя:—это ты засунулъ мнѣ въ карманъ тогда утромъ желтый шелковый чулокъ?

— Такъ онъ былъ у тебя? — захохоталъ Терентьевъ. — А мы-то его искали...

Жена сидѣла, не шевелясь, опустивъ глаза.

— Вы это серьезно... господа?—спросила она странно-спокойнымъ тономъ.

Кириллъ Бревковъ вздрогнулъ.

— О, чертъ возьми! Я, кажется, наболталъ лишняго! Простите, сударыня. Привасъ не слѣдовало вспоминать о такихъ вещахъ...

Она вскочила.

— Вы эт-то серь-ез-но?!..

Въ тонѣ ея было что-то такое, отчего мужъ поежился и разсмѣялся блѣднымъ смѣхомъ.

— Милая, но, неужели, ты не видишь, что мы шутимъ съ самаго начала? Никуда я не ѣздилъ и все время сидѣлъ дома. И съ Кирилломъ не видѣлся...

Мужъ думалъ, что Бревковъ тоже сейчасъ расхохочется и успокоитъ жену. Но Бревковъ былъ не такой.

— Неужели, вы такъ близко принимаете это къ сердцу, Анна Евграфовна? Ну, что здѣсь, въ сущности, ужаснаго? Всѣ мужья это дѣлаютъ и остаются, по прежнему, любящими мужьями. Изъ-за мимолетной встрѣчи съ какой-нибудь канатной плясуньей не стоитъ...

Жена закрыла лицо руками, заплакала и сказала сквозь рыданія:

— Вы негодяи! Развратные подлецы...

— Кирилла! — вскочилъ съ мѣста Те-

рентьевъ.—Перестань. Довольно! Аничка...
Вѣдь онъ же это нарочно...

— Не смѣй ко мнѣ прикасаться, не-
годяй! Я тебѣ не испанка!

— Сударыня! — сказалъ Бревковъ. —
Онъ больше не будетъ, онъ исправится...

Анна Евграфовна оттолкнула мужа и
ушла въ спальню, хлопнувъ дверью.

— Началась исторія! — сказалъ мужъ
обезкураженно почесавъ затылокъ. — И
нужно было тебѣ выдумать такую че-
пуху?!..

Сидя въ креслѣ, Кириллъ Бревковъ
хохоталъ, какъ ребенокъ...

III.

— Анюта! А Анюта?!.. Отвори мнѣ.
Ну, брось глупить. Мы же шутили...

Молчаніе было отвѣтомъ Терентьеву.

— Анюта, Аня! Что ты тамъ дѣ-
лаешь? Открой! Кириллъ хотѣлъ подтру-
нить надъ тобой, а ты и повѣрила... Ха-ха.

— Не лги! Хотя теперь не лги... въ
память нашихъ прежнихъ отношеній: Все
равно: твои жалкія оправданія не помогутъ...

За дверью послышались рыданія. По-
томъ все стихло. Потомъ дверь распахну-
лась и изъ спальни вышла Анна Евгра-
фовна въ шляпѣ, съ чемоданчикомъ въ
рукахъ.

— Я уѣзжаю къ тетѣ. Потрудитесь не разыскивать меня—это ничему не поможетъ. Приготовьте Гришу ко всему этому. Миѣ было бы тяжело его видѣть. Прощайте, Бревковъ.

— Анна Евграфовна, — кинулся къ ней Кирилль.—Неужели вы повѣрили, Мы же шутили!!

Она слабо улыбнулась и покачала головой.

— Не лгите, Бревковъ. Дружба великое дѣло, но за негодяевъ заступаться не слѣдуетъ.

— Анна Евграфовна..-

— Прочь!! Довольно.

Она отстранила мужа и вышла изъ комнаты, высоко поднявъ голову (еще 10 минутъ тому назадъ она рѣшила выйти изъ «этого дома» съ «высоко поднятой головой»).

— Чтобъ тебя черти взяли, Бревковъ, — вырвалось у мужа совершенно искренно.— Ты еще что?! Тебѣ еще чего надо?

— Чего?—прищурилась вошедшая Пелагея.—А того, что изверги вы всѣ, кровопійцы. Вамъ бы только вдовью кровь пить, чтобы вдовѣ скорѣе въ могилушку снизойти. Этого вамъ надо!? Да!? Пожалуйте расчетъ.

— Съума ты сошла? Кто твою кровь пьетъ?

— Да ужъ, повѣрьте!.. Посторонніе люди-человѣки замѣчаютъ... Уходили вы меня, чтобъ вамъ ни дна, ни крыши! Можетъ, мнѣ и жить-то черезъ васъ недѣлька-другая осталась, да чтобъ я молчала?!.. Нѣтъ въ васъ жалости! Какъ же—пожалѣете вы! Посторонній человѣкъ пожалѣетъ—это вѣрно... «блѣдненькая вы, Пелагея Васильевна, скажетъ, хворенькая»... А вамъ—что? Работаетъ на васъ дура—и хорошо. Хы! хы!

Она сѣла на полъ и залилась слезами.

— Вонъ! — закричалъ Терентьевъ. — Вотъ тебѣ деньги, вотъ паспортъ и проваливай. Э... да, ну, васъ всѣхъ къ черту!

Терентьевъ схватилъ шляпу, нахлобучилъ ее на глаза и убѣжалъ. Слышно было, какъ въ передней хлопнула дверь.

Пелагея тоже поднялась съ пола и ушла.

Уходя, поклонилась Кириллу и сказала:

— Балдаримъ покорно, батюшка! Хучь ты вдову пожалѣлъ!

Изумленный Кириллъ почесалъ затылокъ и, бормоча что-то подъ носъ, сталъ прохаживаться по опустѣвшей комнатѣ...

IV.

Въ дѣтской слышался шорохъ.

Крадучись, вышелъ маленькій Грипа, увидѣвъ Бревкова, отскочилъ, бросилъ на

полъ какую-то бумажку и помчался къ выходу.

— Куда ты? — крикнулъ ему вслѣдъ Бревковъ.

Гриша взвизгнулъ на ходу:

— Убѣгаю! Въ Америку.

Кириллъ поднялъ бумажку и прочелъ:

«Въ смерти моей прошу никого не винить. Виноватъ директоръ Уругваевъ. Уѣзжаю съ Митей Косыхъ въ Америку. Примѣчаніе: не зналъ, какъ начинаются записки, и потому написалъ про смерть. А, вообще, ѣдимъ въ Америку. Ученикъ 2-го класса Григо. Терентьевъ.

Кириллъ еще минутъ пять бродилъ по пустой квартирѣ. Потомъ ему сдѣлалось жутко.

Онъ одѣлся, вышелъ, заперъ на ключъ наружную дверь и, отдавая ключъ дворнику, сообщилъ ему:

— Терентьевы уѣхали за-границу, а всѣ вещи подарили тебѣ за вѣрную службу. Старайся, Никифоръ!

И пошелъ по улицѣ, усмѣхаясь.

ЖЕЛТАЯ ЖУРНАЛИСТИКА.

РОЗОВЫЙ МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

I.

Самъ онъ розовый, пиджакъ на немъ сѣрый, галстухъ красный, а пресса, въ которой онъ работаетъ—желтая.

О себѣ онъ говоритъ всегда искренно и вѣско:

— Я выколачиваю деньжишки на бульварѣ, чтобы его черти забрали!

— На какомъ бульварѣ?

— Газетка наша бульварная. Не понимаю, какъ публика читаетъ такую мерзость?..

— А что?

— Да вѣдь ее, газетку эту, составляютъ каторжники. Вы не вѣрите? Бѣй Богу. Любой сотрудникъ способенъ на шантажъ, воровство, а если вы гарантируете ему безопасность, то и на убійство. Редакторъ мошенникъ.

— Да, ну?

— Безъ сомнѣнія.